

А. Н. НАСОНОВ

”РУССКАЯ ЗЕМЛЯ”

И

ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Историко-географическое исследование

МОНГОЛЫ И РУСЬ

История татарской политики на Руси

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«НАУКА»

2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

«РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» И ОБРАЗОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА *Историко-географическое исследование*

Предисловие	6
Глава I.....	7
Глава II.....	27
Глава III.....	45
Глава IV.....	49
Глава V.....	64
Глава VI.....	86
Глава VII.....	106
Глава VIII.....	115
Глава IX.....	131
Глава X.....	144
Глава XI.....	157
Глава XII.....	178
Заключение	195
Приложение	200

МОНГОЛЫ И РУСЬ

История татарской политики на Руси

Введение	215
Глава I.....	220
Глава II.....	254
Глава III.....	269
Глава IV.....	290
Глава V.....	309
Список цитированных источников и литературы.....	339
Тезисы к исследованию «Монголы и Русь»	344
Ю. В. Кривошеев, М. В. Мандрик. Арсений Николаевич Насонов и его труды по истории Руси	346

УКАЗАТЕЛИ

Географический указатель к работе «„Русская земля” и образование территории древнерусского государства».....	367
Указатель личных имен к работе «„Русская земля” и образование территории древнерусского государства».....	392
Географический указатель к работе «Монголы и Русь»	399
Указатель личных имен к работе «Монголы и Русь».....	404

АРСЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ НАСОНОВ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ РУСИ

27 (15) августа 1898 г. в семье будущего академика Николая Викторовича Насонова родился мальчик, названный Арсением. Мало кто сомневался, что он выберет научную стезю, но по какому пути пойдет сын зоолога и праправнук (по материнской линии¹) вице-адмирала В. А. Корнилова, сказать было трудно. Решающую роль в выборе сыграл его дядя — А. А. Корнилов, известный русский историк, — сказалось и влияние друга семьи, известного медиевиста Д. М. Петрушевского.

Начальное обучение А. Н. Насонов получил в 1-м Петербургском реальном училище, а затем перешел в Петербургскую классическую гимназию К. Мая, где преподавание истории было поставлено на высоком уровне (здесь находился единственный в России гимназический кабинет наглядных пособий по истории).² Казалось бы, выбор профессии уже определен, но увлечения и занятия детей в семье Насоновых были настолько разносторонними (его старший брат Дмитрий Николаевич Насонов (1895—1957) пошел по стопам отца и в 1957 г. возглавил Институт цитологии АН СССР, младший брат историка — Всеволод Николаевич Насонов — стал архитектором, доктором технических наук), что в 1916 г., после окончания гимназии с серебряной медалью, А. Н. Насонов поступил на архитектурный факультет Академии Художеств, реализовав еще один свой талант — рисование.³ Однако даже учеба в мастерской известного архитектора Л. В. Руднева не пересилила его увлечения историей, и в том же 1916 г. он перевелся на историко-филологический факультет Петроградского университета.⁴

В это время на факультете преподавала целая плеяда крупных ученых — А. А. Шахматов, И. М. Гревс, М. И. Ростовцев, С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков и др. Студент А. Н. Насонов посещал семинары С. В. Рождественского и М. Д. Приселкова, в семинаре

¹ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь // *Летописи и хроники*. Сб. ст. 1973 г. М., 1974. С. 6.

² Там же; Кучкин В. А. Памяти Арсения Николаевича Насонова // *История СССР*. 1965. № 6. С. 225.

³ В личном фонде А. Н. Насонова в архиве АН СССР хранятся его детские стихи и пьесы (*Станиславский А. Л.* Личный фонд А. Н. Насонова в архиве Академии наук СССР // *Археографический ежегодник за 1974 г.* М., 1975. С. 243).

⁴ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 6.

последнего молодой историк и стал изучать Лаврентьевскую летопись, а под руководством А. И. Заозерского с группой его учеников приступил к разбору вотчинного архива князей Юсуповых.¹ Имя А. Н. Насонова значилось и среди слушателей семинаров Д. М. Петрушевского, куда принимали только после сдачи экзаменов.² Тогда же разносторонние интересы привели будущего историка и на экономический факультет университета, где он прослушал курс профессора Никольского по экономической статистике.³

Обучение в университете было на время прервано службой в рядах Красной Армии (февраль—декабрь 1920 г.). Вернувшийся на факультет А. Н. Насонов, учась на последнем курсе, начал преподавать на рабфаке.⁴ Желание расширить свои познания привело его в кружок молодых историков (созданный в конце 1920 или начале 1921 г.), который привлек в свои ряды будущий цвет исторической науки. В кружке собирались ученики С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле, Н. И. Кареева, А. Е. Преснякова, С. В. Рождественского, А. Г. Вульфуса. В центре обсуждений находилась не только русская, но и европейская история (особенно события XIX—XX вв.), а также вопросы литературы и права.⁵ Подобные кружки являлись хорошей научной школой: в них разрабатывалась новая проблематика исследований, зарождались свежие идеи, захватывавшие молодых историков, получали свое продолжение традиции петербургской историографии, что было особенно актуально во время становления новой марксистской исторической концепции.

В 1922 г., после окончания факультета, преобразованного к тому времени в Факультет общественных наук, талантливый выпускник оставили на кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию, также он был зачислен научным сотрудником 2-го разряда Исследовательского исторического института при университете, где проработал до июня 1923 г.⁶

В 1924 г. А. Н. Насонов поступил на службу в Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа, где исполнял обязанности помощника хранителя отдела.⁷ Благодаря этой работе он более детально познакомился с историей западноевропейской и русской нумизматики XIV—XV вв., а интерес к истории денежного обращения Золотой Орды подтолкнул его к научным изысканиям. Несмотря на то что А. Н. Насонов проработал в Отделе только до 1927 г., когда из-за болезни был вынужден уйти из музея⁸, занятия нумизматикой помо-

¹ Там же.

² Мильская Л. Т. Дмитрий Моисеевич Петрушевский (1863—1942) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 2. М.: Иерусалим, 2000. С. 135.

³ Кучкин В. А. Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 225. Занятия на этом факультете найдут свой отголосок в творчестве историка — в конце 30-х гг. А. Н. Насонов (судя по его рукописному наследию) кроме своих основных тем занимался и вопросами экономической истории русского средневековья. Сохранились его неопубликованные статьи «Эволюция рыболовных поселений на р. Ильмени» и «К проблеме изучения хозяйственной истории древнерусского города (Старая Ладога)» (Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 21).

⁴ Его же. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 7.

⁵ Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 80—81; см. также: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1995. Среди участников заседаний кружка были Б. А. Романов, С. Н. Валк, И. И. Любименко, Н. С. Штакельберг, С. И. Тхоржевский, А. Н. Шебунин, Е. Н. Петров, С. М. Даниин, С. В. Сигрист, В. В. Бирюкович, М. К. Гринвальд, Н. В. Измайлов, дочери С. Ф. Платонова и др. (Панях В. М. Указ. соч. С. 81; Каганович Б. С. Указ. соч. С. 33).

⁶ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 9.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

ли ему в дальнейшей научной работе и при написании первой монографии, посвященной взаимоотношениям монголов и Руси. Историк отмечал, что увлечение этой темой началось именно с 1924 г. и найденный им в музее материал во многом определил его дальнейший интерес к данному вопросу.¹

В 1929 г., уже на основе знаний, накопленных за пять лет изучения истории Орды, А. Н. Насонов впервые выступил в роли рецензента, опубликовав отзывы об исследованиях Ф. В. Баллода «Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды» и «Приволжские Помпеи».²

20-е гг. стали для молодого ученого временем поиска новых тем для исследований, своей ниши в современной ему историографии. Неудивительно, что, будучи одним из учеников А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, чьи научные разработки находились в центре внимания историков и филологов, А. Н. Насонов остановил свой выбор на одном из сложнейших направлений исторической науки — истории летописания. Однако, прежде чем утвердиться в своем окончательном выборе, ученый испытал свои силы и в исследовании других исторических вопросов.

Уже в 1924 г. А. Н. Насонов публикует свое первое крупное самостоятельное исследование «Князь и город в Ростово-Суздальской земле»³. Идея будущей статьи зародилась еще при подготовке к магистерским экзаменам, когда испытуемый так увлекся сюжетом одного из вопросов, что провел самостоятельное научное исследование. Эта тема была ему хорошо знакома еще по семинарам М. Д. Приселкова⁴, который и поддержал начинание своего выпускника. Статья вышла в сборнике «Века», редакторами которого были Д. М. Приселков и А. И. Заозерский, учителя А. Н. Насонова.

Первое выступление в печати сразу же привлекло внимание к молодому ученому, сделанные им выводы были введены в научный оборот и стали использоваться его старшими коллегами. Невзирая на авторитет В. О. Ключевского, историк выступил с опровержением его концепции о князе-колонизаторе в Ростово-Суздальской земле, сближаясь в трактовке этого вопроса со взглядами В. И. Сергеевича. А. Н. Насонов утверждал, что «ход развития Северо-Восточного края был таким же, как и у соседних русских княжеств. Общность развития выражалась в существовании в докняжеский период городов — центров волостей и веча в городе-центре как руководящего органа волости». Историк указал и на существование в Ростовской земле местной знати которая, еще до появления князей, контролировала политическую жизнь волости.⁵

Параллельно с этой темой А. Н. Насонов изучал историю крепостных вотчин XIX в. — тему, знакомую ему еще по семинарам А. И. Заозерского. Молодой историк довольно быстро (зима 1923/1924 гг.)⁶ закончил обработку данных по истории вотчинного хозяйства Юсуповых и в 1926 и 1928 гг.

¹ См.: *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 8. В отзывах на его монографию критики также указывали, что именно работа в Отделе нумизматики позволила ему «с блеском использовать этот трудный материал... для характеристики политических отношений в Золотой Орде» (*Кучкин В. А.* Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 225).

² См.: *Zeitschrift für slawische Philologie.* Leipzig, 1929. Bd V. Doppelheft 3/4. S. 494—498.

³ *Насонов А. Н.* Князь и город в Ростово-Суздальской земле // *Века.* Исторический сборник. Пг., 1924. Вып. 1.

⁴ *Кучкин В. А.* Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 225.

⁵ *Его же.* Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 8—9.

⁶ Там же. С. 9.

опубликовал две большие статьи о крепостной вотчине XIX в.¹ В то время тема крепостных вотчин была почти не разработана и в своих статьях ученый «наметил тот круг проблем, предложил ту методику их разработки, которые позднее стали основными при изучении вотчинного хозяйства дореволюционной России».² К сожалению, в творчестве А. Н. Насонова эти статьи остались первым и последним опытом изучения вопросов позднего феодализма. Определившись с областью научных изысканий, он больше не вернулся к этой проблематике.

Следующим, и на этот раз окончательным, этапом в его научных поисках стала работа по изучению летописания. В 1926 г. молодой ученый впервые выступил в печати как историк летописания, сделав солидную заявку на разработку данной темы.³ Трудоспособность и хорошее аналитическое мышление позволили А. Н. Насонову за довольно короткий срок обработать значительный материал. За период зимы 1925 — весны 1926 г. ему удалось написать серьезное исследование о тверских летописных сводах.⁴ Через четыре года вышла в свет вторая статья, посвященная тверским летописным памятникам, которая «по ширине охвата материала, продуманной методике и тщательности его анализа... сразу выдвинула А. Н. Насонова в число наиболее авторитетных специалистов по истории русского летописания».⁵ Несмотря на то что он не являлся первопроходцем в изучении этого вопроса (тверское летописание привлекало к себе внимание Н. М. Карамзина, И. А. Тихомирова и А. А. Шахматова, которому удалось сделать ряд важных наблюдений) «только А. Н. Насонов провел систематическое выделение из русских летописных сводов фрагментов тверского летописания и воссоздал историю последнего».⁶ Тщательный анализ текстов позволил историку установить приблизительные хронологические рамки и этапы развития тверского летописания. Кроме того, А. Н. Насонову удалось выявить существование митрополичьего летописания во второй половине XV — первом десятилетии XVI в. Впоследствии, когда были обнаружены новые фрагменты тверских летописных памятников, это утверждение историка полностью подтвердилось.⁷ Данную статью можно назвать первым значительным исследованием, поэтому неудивительно, что ряд выводов требовали дальнейшей более детальной проверки и были пересмотрены как самим автором, так и его коллегами по истории летописания.

На выборе основной темы исследований, несомненно, сказалось влияние как научного окружения молодого ученого, так и неразработанность данной проблематики в отечественной историографии. Новаторство и стремление приоткрыть завесу над малоизученными вопросами русской истории станет одной из черт его научных изысканий на протяжении всей жизни. Через двадцать лет К. В. Базилевич, его оппонент на защите докторской диссертации, посвященной именно истории летописания, особо отметит, что А. Н. Насонов выбрал свой путь в «области труднейших источников».⁸

¹ Насонов А. Н. Юсуповские вотчины в XIX в. // Доклады АН СССР. Сер. В. Январь—февраль. 1926. С. 1—4; *Его же*. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России // Известия АН СССР. Сер. VII. 1928. № 4—7. С. 343—374.

² Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 10.

³ Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества (Опыт реконструкции Тверского летописания с XII до конца XV в.) // Доклады АН СССР. Сер. В. Ноябрь—декабрь. 1926.

⁴ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 12; Кучкин В. А. Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 225.

⁸ *Его же*. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 17.

К началу 30-х гг. научный потенциал А. Н. Насонова должен был раскрыться с полной силой, но по неумолимому стечению обстоятельств он как один из участников «Кружка молодых историков», распавшегося незадолго до этого, вместе со своими коллегами по университету был арестован по «Академическому делу», осужден и отправлен в ссылку. Все исследователи этого дела обращают внимание на то, что ученые, попавшие в молох репрессий, вернулись к нормальной жизни уже с несколько измененными научными принципами, а порой и стереотипами поведения. В современных историографических очерках почти нет сведений о первых годах жизни А. Н. Насонова после возвращения из ссылки. Единственное краткое упоминание об этом встречается у Я. С. Лурье, отметившего «необычность поведения» историка, его замкнутость, объясняя это его арестом (была арестована и погибла в лагере сестра ученого).¹ Можно только предположить, что пришлось испытать молодому человеку во время ареста, о чем думалось ему во время ссылки. Без сомнения, у него не могло не возникнуть чувства неуверенности и страха за свою дальнейшую жизнь, отсюда, возможно, и появление некой замкнутости, которая, впрочем, не отражалась на его близком окружении. В памяти коллег А. Н. Насонов остался открытым, отзывчивым человеком.

Изменилось ли отношение А. Н. Насонова к власти после ареста? Несомненно, да. Но это не повлияло на его научную деятельность, не сделало ее менее насыщенной и объективной. Выбранная им тема исследований во многом гарантировала ему некий внешнеидеологический вакуум, т. к. история летописания была мало знакома классикам марксизма или, вернее, мало их интересовала, т. к. не представляла большой идеологической ценности. Историк не приходилось все время оглядываться на высказывания Маркса—Энгельса—Ленина, он был намного свободней, чем большинство его коллег, занимающихся, скажем, революционно-освободительными темами. Не исключено, что именно это обстоятельство помогло ему быстро вернуться к привычному ритму научной жизни, когда работа в архивах, этих «реабилитационных центрах», становилась отдушиной для измученных арестом и ссылкой историков.

В 1935 г. А. Н. Насонова приняли на работу в московскую группу Историко-архивного института АН СССР² (преобразованного затем в Институт истории АН СССР), где он проработал с небольшими перерывами до 1965 г. В институте ему сразу же поручили курировать исследования по истории русского летописания, а также доверили подготовку к печати русских летописных сводов.³ Научная общественность не отвернулась от него, с его мнением считались, его уважали как одного из ведущих специалистов в области истории летописания. До работы в институте историк не издал ни одного документа по периодам и проблемам, которые находились тогда в центре его внимания⁴, но отсутствие опыта в подобной работе не помешало ему положить начало новому этапу в издании летописных памятников, когда само издание «являлось бы результатом исследования, изучения и определения списков, классификации их, разбивки на семейства, установ-

¹ Лурье Я. С. Предисловие // Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996. С. 15.

² В 30-х гг. семья Насоновых переехала из Петрограда в Москву. (Арсений Николаевич Насонов (1898—1965) // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 381).

³ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 14.

⁴ *Его же.* А. Н. Насонов как археограф // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 224.

ления взаимоотношений между отдельными группами и, по возможности, взаимоотношения списков в пределах каждой группы».¹ Примечательно переплетение судеб А. Н. Насонова и его отца. В то время как академик Н. В. Насонов являлся редактором 25-томного капитального труда «Фауна России и сопредельных стран» (впоследствии — «Фауна СССР»),² его сыну, недавно освобожденному из ссылки, доверили столь же важное по значению издание — издание источников, основы основ исторической науки. Ученый полностью отдался этой работе и посвятил ей всю свою дальнейшую жизнь.

Деятельность на поприще изучения летописания А. Н. Насонов начал с осмысления рукописного наследия своего учителя А. А. Шахматова. Обращение к наработкам дореволюционной историографии в области археографии не считалось антимарксистским делом. С. О. Шмидт отмечает, что именно в археографии и архивоведении «сохранились достаточно благоприятные условия для преемственности в развитии...», «техника исторического исследования, в отличие от методологии развивается не по законам идеологической преемственности, а по законам преемственности познавательной. Поэтому и сохраняются в рамках ... источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин и используются историками-марксистами методические приемы, выработанные в домарксистский период развития науки».³ А. Н. Насонов был одним из лучших учеников петербургской школы и ему предстояло передать ее традиции молодому поколению историков.

Среди наследия А. А. Шахматова историк нашел рукопись, в которой рассматривалось большинство известных в начале XX в. русских летописных сводов. На основе тщательного анализа рукописного и печатного наследия своего учителя А. Н. Насонов опубликовал статью⁴, ценность которой «заключалась не только в ознакомлении широкой научной общественности с крупным трудом выдающегося исследователя, но и в том, что обзор показывал по существу эволюцию взглядов А. А. Шахматова на происхождение и состав различных памятников русского летописания...».⁵ Кроме того, историк выявил, какие летописные памятники остались вне поля зрения его учителя и еще ждали своего исследователя и издания.⁶

При выборе летописного свода А. Н. Насонов остановился на псковских летописях, изучил и подготовил их к изданию, которое удалось осуществить в 1941 г. К этому времени существовало уже два издания этих летописей — 1837 и 1848—1853 гг., но они успели стать не только библиографической редкостью, но и своего рода «первобытным реликтом», т. к. уже давно не соответствовали новым требованиям, предъявляемым к научным изданиям подобного рода. Поэтому проделанная А. Н. Насоновым работа была своевременной и необходимой, а его издание псковских летописей до сих пор считается «образцовым».⁷ Продолжая и развивая традиции ближайших предшественников, он сочетал в своей археографической деятельности как историческое, так и археографическое и текстологическое исследование, что было характерно для послереволюционной историографии.⁸ Этот метод работы уже нашел своих

¹ Там же. С. 226.

² Насонов Николай Викторович // БСЭ. Т. 17. С. 304.

³ Шмидт С. О. Археография. Архивоведение. Памятниковедение. М., 1997. С. 14.

⁴ Насонов А. Н. О неизданной рукописи А. А. Шахматова: Обзор летописных сводов // Проблемы источниковедения. Сб. II. М.; Л., 1936. С. 279—298.

⁵ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 15.

⁶ Его же. А. Н. Насонов как археограф. С. 227.

⁷ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 242.

⁸ Шмидт С. О. Указ. Соч. С. 14.

последователей,¹ но данный выпуск псковских летописей явился первым подобным изданием. Тексты летописей «были соединены с исследованием, явившимся итогом большой предварительной работы по выявлению и текстологическому сравнению всех списков псковских летописных памятников». В ходе исследования историк изучил 24 списка псковских летописей и на основе анализа материала пришел к выводу, что псковское летописание дошло в 3 редакциях, а не в 2, как это считалось ранее.² В процессе подготовки публикации ученый выявил «8 новых списков псковских летописных памятников и их новгородско-софийских переработок», эти находки существенно увеличили количество известных списков псковских летописей, т. к. до этого историкам было известно только 16.³ Одновременно с первым к печати был подготовлен и второй выпуск «Псковских летописей», но по независимым от А. Н. Насонова причинам он увидел свет только в 1955 г.

Через пять лет после выхода первого выпуска псковских летописей А. Н. Насонов, не дождавшись продолжения издания, опубликовал статью «Из истории псковского летописания»⁴, которую планировал напечатать во втором выпуске в виде очерка «О древнейшем периоде псковского летописания с кратким историографическим введением». В данной статье историк впервые в отечественной историографии показал историю псковского летописания на общем историческом фоне развития Псковской республики, выявив определенную зависимость между характером записей и политическими событиями.⁵

Одновременно с историей русского летописания историк, как уже указывалось выше, разрабатывал не менее интересную и дискуссионную проблему взаимоотношений Руси с монголами. Этот вопрос являлся одним из краеугольных камней отечественной историографии и неоднократно рассматривался ее виднейшими представителями.

Уже с середины XIX в. «монгольский вопрос» считался одним из главнейших в востоковедческих и русских медиевистских исследованиях. Во второй половине века сформировались два магистральных пути его изучения. Первый, восходящий к традициям, заложенным Н. М. Карамзиным и Х. Д. Френом, и представленный рядом крупных монголоведов того времени, исходил из значительной, а временами определяющей и всеохватывающей роли монголов в средневековой русской истории. Второй путь был связан с идеями С. М. Соловьева, а также его продолжателей, среди которых выделялись имена В. О. Ключевского, С. Ф. Платонова, а в первой трети XX в. — М. Н. Покровского и А. Е. Преснякова. Для этих ученых главным оставался естественный ход внутренней жизни средневековой Руси, не подверженной, по крайней мере, кардинальным изменениям. Так, С. Ф. Платонов считал монгольское иго лишь «случайностью в нашей истории», поэтому можно «рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига».⁶ Однозначности, таким образом, в «монгольском вопросе» не

¹ В 1936 г., на основе проекта М. Д. Приселкова, Н. Ф. Лавров, С. Н. Валк, А. И. Андреев, Н. С. Часв, К. Н. Сербина и др. для новой серии ПСРЛ выработали правила издания летописных памятников, которые учитывались А. Н. Насоновым при подготовке издания псковских летописей (Кучкин В. А. А. Н. Насонов как археограф. С. 228).

² Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 15.

³ Его же. А. Н. Насонов как археограф. С. 227.

⁴ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. Т. 18. 1946. С. 255—294.

⁵ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 15, 16.

⁶ Платонов С. Ф. Соч. в 2 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 135—139.

было ни в общей постановке проблемы, ни в конкретных сюжетах, и «едва ли можно указать на какой-либо другой вопрос в русской истории, который был бы так мало разработан, как вопрос о татарах».¹

Советская историография, следовательно, застала «монгольский вопрос» нерешенным однозначно, более того, решаемым диаметрально противоположным образом.² Некоторое время монгольский период не привлекал особого внимания советских историков, а выпущенные в конце 20 — начале 30-х годов работы преимущественно базировались на распространенной (и еще не развенчанной) теории «торгового капитала» М. Н. Покровского.³ Ситуация изменилась к концу 30-х гг.: уже прошли важнейшие дискуссии по ряду проблем истории России, с «парохода современности» были сброшены классово вредные буржуазные концепции русской истории, и марксистское учение, упрочив свое положение, стало проникать в отдаленные от чистой идеологии области исторической науки.⁴ После утверждения концепции Б. Д. Грекова о классовой феодальной природе древнерусского общества⁵ настал черед следующего — средневекового — периода истории Руси. Вот тогда и появились первые марксистские работы, посвященные периоду XIII и последующих веков.⁶

В 1937 г. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский опубликовали тематически-специальную и одновременно научно-популярную работу «Золотая Орда»,⁷ которая была призвана дать ответ на вопрос — как должно понимать, изучать и излагать проблему «Русь и монголы» в советской исторической науке. В этом плане авторы пошли по ставшему уже традиционным для марксистской историографии пути. Они обратились к классикам марксистской мысли, конкретно — к высказываниям К. Маркса, а также И. В. Сталина. «Мы имеем случай убедиться не раз, — писал Б. Д. Греков, — как Маркс расценивал влияния золотоордынской власти на историю русского народа. В его замечаниях мы не видим даже намека на прогрессивность этого явления. Наоборот, Маркс резко подчеркивает глубоко отрицательное влияние золотоордынской власти на историю России». Приводилась и марксова цитата о том, что иго «продолжалось от 1257 по 1462 г., т. е. более 2-х столетий; это иго не только давило, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой». Использованное авторами высказывание И. В. Сталина еще более четко определяло — в сравнении с современностью — основную линию трактовки этого события:

¹ Стратонитский К. А. Монгольское управление покоренными Китаем и Арменией. М., 1913. С. 3. См. также: Рязановский В. А. К вопросу о влиянии монгольской культуры и права на русскую культуру и право // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 155; Трепавлов В. В. «Евразийская проблематика» в научных дискуссиях России и Запада // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995. С. 167.

² Греков И. Б. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы конца XIV в. // Куликовская битва. М., 1980. С. 114—118.

³ См., например: Арзютов Н. К. Золотая Орда. Саратов, 1930; Якубовский А. Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1932.

⁴ См.: Кривошеев Ю. В., Дворниченко А. Ю. Изгнание науки: российская историография в 20-х—начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3.

⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 231—258.

⁶ Первой марксистской работой, посвященной истории XIV—XV вв., была книга В. В. Мавродина «Образование Русского национального государства» (Л.; М., 1939; 2-е изд. — 1941).

⁷ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда. М., 1937. В 1950 г. этими же авторами была выпущена книга «Золотая Орда и ее падение», в основе которой лежало издание 1937 г.

«Империалисты Австрии и Германии... несут на своих штыках новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского...».¹

Такой подход и оценка классиками марксизма-ленинизма средневековых русско-монгольских отношений оказали прямое воздействие на всю дальнейшую советскую историографию. Но было ли что-нибудь принципиально новое в суждениях идеологов и политиков XIX и XX вв. по рассматриваемой проблеме? По всей видимости, нет. В самом деле, за исключением «карамзинского» тезиса о некоторых позитивных чертах развития русской государственности, в целом в восприятии классиками «монгольского вопроса» повторены положения Карамзина—Костомарова. Также, и не менее эмоционально, акцентируется внимание на негативном влиянии ига на общественную и духовную жизнь средневековой Руси.² Итак, советской исторической науке был «предложен» уже апробированный путь. Однако, в отличие от предыдущего историографического периода, этому пути альтернативы не было.

Впрочем, возвращаясь к работе Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского, следует отметить, что сами они не были склонны преувеличивать влияния монголов ни на экономическое, ни на политическое, ни на культурное развитие Руси. Так, А. Ю. Якубовский, критикуя Х. Д. Френа за его трактовку воздействия золотоордынского периода на ход русской истории, писал: «Для Френа Золотая Орда остается только „злополучным периодом“, и только с этой стороны представляет научный интерес». «Как бы ни была тяжела власть золотоордынских монгольских ханов на феодальной Руси, — продолжал ученый, — сейчас невозможно изучать историю Золотой Орды только с точки зрения того, в какой мере она была „ужасом и бичем“ для истории России».³ Вместе с тем Б. Д. Греков отмечал, что «в процессе тяжелой борьбы русского народа с золотоордынским гнетом создано Московское государство. Не Золотая Орда его создала, а родилось оно вопреки воле татарского хана, вопреки интересам его власти».⁴ Эти оба тезиса о борьбе русского народа и о создании единого Русского государства вопреки воле монголов, — фактически содержали конкретную программу предстоящих научных исследований.

Порция критики «монгольских воззрений» М. Н. Покровского имела также и в первой опубликованной работе А. Н. Насонова «Татарское иго в освещении М. Н. Покровского» в известном сборнике «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского».⁵ Правда, автор в большей степени использовал эту «трибуну» для изложения своей собственной концепции русско-ордынских отношений: «Переходя к критике взглядов М. Н. Покровского, —

¹ Там же. С. 166, 200. В современных исследованиях отмечается, что «эта книга явилась первой марксистской работой по истории улуса Джучи, сломавшей старую традицию, шедшую от западноевропейских ориенталистов: Хаммера, Ховарса, Паркера и других» (*Арсланова А. А.* Из истории изучения Золотой Орды по данным персидских источников XIII—первой половины XV вв. в отечественной историографии // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма. Казань, 1986. С. 126), и вместе с тем явилась «решением задачи, поставленной Академией Наук в 1832 году» (*Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 10).

² См. и ср.: *Сафаргалиев М. Г.* Указ. соч. С. 9—10.

³ *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Указ. соч. С. 6—7.

⁴ Там же. С. 200. См. также: *Греков Б. Д.* Татарское нашествие (XIII—XV вв.) // Исторический журнал. 1937. № 6. Принципиальное (марксистское) решение вопроса повлекло за собой появление ряда научно-популярных работ. Перечень их см.: *Каргалов В. В.* Внешне-политические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 62, примеч. 1; С. 250, примеч. 2, 3, 4, 6.

⁵ *Насонов А. Н.* Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. М.; Л., 1940. Ч. 2.

писал А. Н. Насонов, — заметим, что нашей задачей будет не столько оценка трудов Покровского для определения места, занимаемого им в нашей историографии, сколько проверка его взглядов на конкретно-историческом материале». ¹ Концепция самого А. Н. Насонова будет оформлена в виде книги «Монголы и Русь», которая станет уже новым этапом для советской историографии «монгольского вопроса».

Монография «Монголы и Русь» была завершена еще в 1934 г., а разработка темы, как указывалось выше, была начата десятью годами ранее. Опубликовать книгу историку удалось только в 1940 г. Тема исследования, по словам В. А. Кучкина, «органично вытекала из стремления ученого к познанию закономерностей исторического развития Северо-Восточной Руси». ² Первоначально А. Н. Насонов намеревался рассмотреть влияние монгольского ига на вечевую жизнь и социальные отношения Руси, но в процессе работы тема исследования стала трансформироваться и ее территориальные рамки, ограниченные прежде Северо-Востоком, раздвинулись до пределов Южной и Юго-Западной Руси. ³

Предваряя собственную постановку вопроса, А. Н. Насонов не только критиковал, но, исходя из общественно-политических условий своего времени, объяснял причины «общей оценки значения татарского ига на Руси» своих предшественников. «По-видимому, — полагал А. Н. Насонов, — в дореволюционной обстановке легче воспринималась мысль об активной политике русских князей в Орде, чем мысль об активной политике татар на Руси, даже теми историками, которые придавали татарскому игу большое значение. Современная историкам XIX — начала XX в. Россия была государством с доминирующим над другими народностями Восточно-Европейской равнины классом великорусского центра. Представление о современной им России они невольно переносили в известной мере на былые времена. Они охотно рассуждали о результатах политики русских князей в Орде, но вопрос о татарах на Руси не изучали или касались его мимоходом. В большинстве случаев они держались мнения, что п а с с и в н о е поведение монголов содействовало процессу государственного объединения Руси». ⁴

Рассуждения А. Н. Насонова о влиянии общественных условий на формирование «дореволюционных» концепций русско-ордынских отношений можно целиком применить и к идейному происхождению его собственной концепции. Во-первых, несмотря на то что «проблема изучения истории татарской политики на Руси ставится» им «впервые», «постановка такой проблемы вытекает из указаний на „т р а д и ц и о н н у ю политику татар“», данных К. Марксом в книге «Секретная история дипломатии XVIII столетия». ⁵ Это — перво-толчок для последующих построений. Во-вторых, идейная суть подхода

¹ Там же. С. 68. Ср.: «М. Н. Покровский первым попытался дать марксистское истолкование проблемы», однако «связанный грузом представлений, унаследованных от буржуазной историографии, М. Н. Покровский в итоге так и не сумел дать марксистского решения основных проблем, связанных с влиянием татарского нашествия на становление русского государства, на формирование национальной культуры» (*Борисов Н. С.* Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып. V. С. 138—139).

² *Кучкин В. А.* Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 13.

³ Там же.

⁴ См. наст. изд. С. 217.

⁵ См. наст. изд. С. 215. «Положив это высказывание в основу своего труда „Монголы и Русь“, А. Н. Насонов подкрепил его многочисленными конкретно-историческими примерами» (*Будовниц И. У.* Отражение политической борьбы Москвы в тверском и московском летописании XIV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 12. 1956. С. 92; *Его же.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960. С. 384).

А. Н. Насонова объясняется общественными условиями того времени. «Мы доказываем, — писал историк, — что монголы вели активную политику¹ и основная линия этой политики выражалась не в стремлении создать единое государство из политически раздробленного общества, а в стремлении всячески препятствовать консолидации, поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп и княжеств. Такой вывод предполагает, что единое „великорусское“ государство, каким мы его видим в XVII в., образовалось в процессе борьбы с татарами, т. е. в XV—XVI вв., частью во второй половине XVI в., когда борьба была возможна по состоянию самой Золотой Орды». Следовательно, «образование централизованного государства явилось, таким образом, отнюдь не в результате мирной деятельности монголов-завоевателей, а в результате борьбы с монголами, когда борьба стала возможна, когда Золотая Орда начала слабеть и разлагаться, и на русском Северо-Востоке поднялось народное движение за объединение Руси и за свержение татарского владычества».²

Проанализировав огромное количество русских и восточных источников,³ А. Н. Насонов пришел к следующим конкретным выводам: 1) внутренняя политическая жизнь Руси второй половины XIII — начала XV вв. определяющим образом зависела от положения дел в Орде; изменения, происходившие в Орде, непременно влекли за собой новую ситуацию на Руси; 2) монгольские ханы постоянно манипулировали русскими князьями; 3) против монголов происходили народные выступления, но они подавлялись.⁴

Книга А. Н. Насонова стала первой в отечественной историографии монографией, целиком посвященной теме «Русь и монголы», а большинство ее выводов — основой для последующей разработки проблемы. Более того, многие ее положения до сих пор приняты в современной историографии и не получили опровержения. Благодаря работе Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского и монографии А. Н. Насонова, «советская историография 30-х — начала 40-х гг. выработала... единый научно-обоснованный взгляд на последствия монголо-татарского нашествия как на страшное бедствие для русского народа, надолго задержавшее экономическое, политическое и культурное развитие Руси»;⁵ это обуславливалось и тем, что на многие десятилетия на Руси был установлен

¹ Если в дореволюционной историографии только А. Е. Пресняков обратил внимание на элементы активной политики русских князей в отношении Орды, то А. Н. Насонов впервые показал существование целенаправленной политики татарско-монгольских феодалов в покоренных русских землях (Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 14).

² См. наст. изд. С. 217.

³ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 13—14. Раскрывая лабораторию историка, его биограф В. А. Кучкин писал, что А. Н. Насонов «обращал внимание на такие, казалось бы, мелочи, как изменение титулатуры отдельных правителей Золотой Орды, колебания в написании татарских имен собственными различными русскими летописцами и на многое подобное в их безымянных трудах, что порой приводило к неожиданно ценным наблюдениям общего характера над историческим развитием двух крупных государств Европы и Азии» (Кучкин В. А. А. Н. Насонов как археограф. С. 224—225).

⁴ См. наст. изд. С. 219. Впрочем, последнее положение было признано недостаточно раскрытым. Л. В. Черепнин заметил, что «не на всем протяжении книги А. Н. Насонова найдена полная отражение роль народных масс в борьбе с татаро-монгольским владычеством и достаточно раскрыто значение этой борьбы в истории ханской политики на Руси... Но, во всяком случае, мысль „о воле низов населения к борьбе с татарами“ прозвучала в исследовании А. Н. Насонова вполне отчетливо» (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960. С. 136).

⁵ Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси... С. 251; Борисов Н. С. Указ. соч. С. 140.

режим «систематического террора», — как писал впоследствии А. А. Зимин¹, полностью принимая схему А. Н. Насонова.²

Работа над темой русско-монгольских отношений привлекала внимание историка к вопросам взаимоотношений Руси с народами Кавказа и Причерноморья. Еще в начале 30-х гг. он написал статью о древнейших судьбах Тмудорокани, которая вышла одновременно с его монографией.³ Историк показал, когда и почему Тмудорокань стала зависима от Руси, доказав, что уже в X в. Русь не была «историческим захолустьем», а играла видную роль в международных отношениях и дипломатических комбинациях. В статье явно прослеживались идеи, выдвинутые А. Н. Насоновым в его книге о «монголах и Руси»:

Историк намеревался представить монографию «Монголы и Русь» в качестве кандидатской диссертации, но события скорректировали его планы — защита проходила уже во время войны. В августе 1941 г. А. Н. Насонов оказался в эвакуации в Ашхабаде, где его назначили заведующим сектором истории Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР.⁴

Эвакуация в Среднюю Азию большинства исторических институтов способствовала росту интереса к истории этого региона. Эти темы оказались в числе наиболее приоритетных, поэтому неудивительно, что А. Н. Насонов возглавил в институте работу по подготовке «Очерков по истории Туркмении и туркменского народа».⁵ Он не успел завершить это начинание из-за призыва в действующую армию, но, как и многие его коллеги (например, С. В. Бахрушин, Ю. В. Готье, В. И. Пичета и др.), заинтересовавшись историей национальных окраин, вернулся к ее изучению после войны. «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.» увидели свет только в 1954 г., спустя более десяти лет после начала работы. В «Очерках» А. Н. Насонов выступил не только в качестве одного из редакторов, но и как автор статьи о завоевании Туркмении монголами. В личном фонде историка хранится также неопубликованный «Краткий исторический очерк Узбекской ССР», написанный во время эвакуации.⁶

Находясь в рядах Красной Армии, А. Н. Насонов занимался пропагандистской работой, выступая перед рядовыми и командным составом с лекциями на военно-патриотические темы. Его выступления были посвящены традиционным для того периода темам: «Александр Невский», «Нашествие монголов и

¹ Зимин А. А. Народные движения 20-х гг. XIV в. и ликвидация системы баскачества в Северо-Восточной Руси // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1952. Т. IX. № 1. С. 61; Каргалов В. В. Указ. соч. С. 171 и др.; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985. С. 203.

Упоминание о «татарском» терроре мы встречаем у А. Е. Преснякова, который допускал, что экспедиция Чол-хана в Тверь в 1327 г. имела целью «терроризировать русский улус и восстановить на месте грозу ханской власти» (Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 137). Советские историки распространили понятие террора (встречающееся и у К. Маркса) на период русско-ордынских отношений второй половины XIII—XIV вв. (см. также: Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь: М., 1997. С. 10—11 и др.).

² В современной историографии «монгольского вопроса» вновь нет единого мнения как на социальную природу средневековых русско-монгольских отношений в целом, так и на отдельные проблемы. Из новейших исследований см.: Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 1999; Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

³ Насонов А. Н. Тмудорокань в истории Восточной Европы X в. // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 79—99.

⁴ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 242.

борьба с ними русского народа», «Ломоносов — основатель русской науки», «Русские в Семилетней войне»¹, «Минин и Пожарский», «Мировое значение русского военного искусства», «Версальский мир и возрождение германского империализма» и т. д.² Неважно, что некоторые темы далеки от основного направления научных изысканий ученого: в тот момент все темы, способствующие росту патриотизма, являлись актуальными и можно перечислить десятки научно-популярных статей, написанных маститыми историками, при этом не все из них являлись специалистами в данных вопросах русской истории.

Защита двух диссертаций А. Н. Насонова проходила во время войны. На защиту своей докторской диссертации историку удалось приехать с фронта в краткосрочный отпуск в конце 1944 г. Работа была подготовлена еще до войны и только ждала своей очереди. «Очерки по истории древнерусского летописания» состояли из двух частей — летописания Твери и Пскова. Исследование получило высокую оценку официальных оппонентов, среди которых были К. В. Базилевич, С. В. Бахрушин и М. Н. Тихомиров. Историк был признан достойным продолжателем школы А. А. Шахматова. На основе материалов диссертации А. Н. Насонова почти сразу же после демобилизации опубликовал статью «О русском областном летописании»,³ а в следующем году — «Из истории псковского летописания».⁴

После демобилизации, которая состоялась в начале 1945 г.⁵ благодаря вице-президенту АН СССР В. П. Волгину, Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии откомандировало А. Н. Насонова в распоряжение Института истории.⁶

Вернувшись в Институт, историк продолжил свой кропотливый труд по подготовке к печати летописных сводов. В 1950 г. под редакцией А. Н. Насонова была опубликована Новгородская 1-я летопись старшего и младшего извода, ставшая «одним из лучших изданий русских летописных памятников»⁷, «исчерпывающим по привлеченным спискам и по своему плану наиболее отвечающим современным требованиям науки о летописании».⁸ Выход в свет издания стал значительным событием для исторической науки того времени, так как Синодальный список Новгородской 1-й летописи являлся древнейшим из дошедших до нас списков летописей и представлял исключительную ценность «не только как исторический источник, но и как один из важнейших памятников русского языка XII—XIV вв.». В рецензии Д. С. Лихачев особо отметил, что редактор «поступил совершенно правильно, не повторив попытки ... сделать сводный текст обоих изводов, а издав их отдельно — один вслед за другим...».⁹

Редакторская работа, которая в конце 40-х гг. отнимала у историка много сил и времени, не мешала тем не менее продолжать его новое научное исследование. Итогом стала монография «„Русская земля” и образование террито-

¹ Там же.

² Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 17.

³ Насонов А. Н. О русском областном летописании // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. 1945. Т. 2. № 4.

⁴ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания // Исторические записки. 1946. Т. 18.

⁵ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 17.

⁶ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 244.

⁷ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 18.

⁸ Лихачев Д. С. [Рец. на кн.:] Новгородская летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 // Вопросы истории. 1951. № 5. С. 106.

⁹ Там же. С. 107.

рии древнерусского государства», завершенная автором в 1949 г. и изданная через два года. Ни одна из его публикаций еще не получала столь неоднозначного приема. Историко-географическая тема, избранная историком, была, по определению его современников, «необычной»¹, это, правда, не означало, что до А. Н. Насонова она не привлекала к себе внимание исследователей.

Историко-географические исследования, охватывающие разные периоды истории России и самые широкие географические области страны стали появляться в XIX в. Спецификой этих исследований изначально являлся синтетический, комплексный подход к поиску и освоению материала, широкое использование данных археологии, этнографии, лингвистики, географии. Главная задача исторической географии формулировалась как изучение взаимного влияния общества и природной среды. В начале XX в. в Москве и Санкт-Петербурге было издано несколько учебных пособий по русской исторической географии, становившейся в то время самостоятельной научной и учебной (в университетах) дисциплиной. Были выработаны специфические приемы и методы историко-географических исследований, определена проблематика, выявлена источниковая база.

Тезис о решающем значении географических условий России для ее исторического развития и связанное с этим положение о колонизации страны населением, как его характернейшей черты, был впервые выдвинут С. М. Соловьевым в «Истории России с древнейших времен». Ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский поддержал эту концепцию и видел в факторе непрерывной русской колонизации национальное своеобразие ее исторического пути. В. О. Ключевский утверждал, что «история России есть история страны, которая колонизируется» и предлагал в связи с этим периодизацию истории, соответствующую этапам колонизации. Схема В. О. Ключевского легла в основу университетского курса «Исторической географии» М. К. Любавского, который развивал и доказывал идею об определяющем «влиянии внешних природных условий на склад и ход русской народной жизни». Историк ставил задачу проследить направления, этапы и условия русской колонизации, объяснить причины широчайшего охвата колонизационным движением огромных территорий страны.²

Работа А. Н. Насонова создавалась уже в иной политико-идеологической ситуации. Во-первых, в рамках строительства нового общественного строя ломке и изменениям подвергся терминологический аппарат. Новое общество требовало и новых понятий, или, по крайней мере, переосмысления старых. Так произошло и с популярным в дореволюционной историографии термином «колонизация». Уже в 1924 г. в трудах сотрудников Колонизационного научно-исследовательского института настоятельно рекомендовалось воздерживаться от его употребления, а с 1927 г. он и вовсе заменяется термином «переселение». На Первом Всероссийском совещании работников по переселенческому делу говорилось, что «термин „колонизация“ и „колонизатор“ равнозначен бранному выражению, так как царское правительство вложило своими действиями определенный политический смысл в это слово», поэтому «между прежними колонизационными мероприятиями царского правительства и нашей переселенческой работой существует абсолютная разница».³ Таким

¹ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 19.

² В 1929 г. вышло еще одно сочинение М. К. Любавского — «Образование основной государственной территории великорусской народности».

³ Цит. по: Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства. Томск, 1976. С. 96.

образом, теперь под колонизацией стала пониматься политика «царских» времен: произвол чиновников, попрание национальных прав коренного населения, русификация заселяемой территории.

Во-вторых, согласно марксистской доктрине ожесточенной критике подвергались идеи географического детерменизма. Споры велись вокруг географических дефиниций, в то время как суть важнейшей проблемы взаимоотношений природы и общества в историческом процессе постепенно выхолащивалась.

В этих условиях продуктивным могло быть обращение к конкретным территориально-временным историко-географическим проблемам. По этому пути и пошел А. Н. Насонов, написав лучшее для того времени историко-географическое исследование «„Русская земля” и образование территории древнерусского государства». Работа была написана в довольно короткий срок — почти за три года.¹ Как и предыдущая монография, «Русская земля» отличалась новизной и оригинальностью постановки проблемы, комплексным использованием самых разнообразных и разнохарактерных исторических памятников.

В данной статье не имеет смысла детально останавливаться на конкретных темах, поднятых автором в исследовании. Представляется более необходимым дать общую историографическую оценку этому фундаментальному труду. Как отмечает в предисловии сам автор, «исследование стремится разрешить специальную, но цельную проблему, поставленную ходом развития советской историографии. Своевременность этой работы определяется еще существованием за рубежом извращающих истину „теорий” возникновения древнерусского государства. Эти „теории” игнорируют внутренний социально-экономический процесс развития, а „варягам” приписывают решающую роль в образовании древнерусского государства».² Понятия «территория» и «государство» объединены здесь уже согласно марксистско-ленинской концепции, по которой территория (наряду с публичной властью и налоговыми сборами) является одним из важнейших признаков такой основополагающей составляющей марксизма категории, как государство.

Основные выводы автора находятся в полном соответствии с марксистским пониманием процесса создания государства. Так, А. Н. Насонов отказался от «мысли, что решающую роль в расширении территории... играл рост внутреннего обмена», т. е. отверг господствовавшую в дореволюционной историографии торговую теорию.³ По его мнению, «не могла играть решающей роли и колонизация», она играла лишь «некоторую роль». В целом же расширение государственной территории и колонизация — это «два разных процесса, иногда только связанные друг с другом». Наконец, «некоторую роль играли и физико-географические условия (косвенно — поскольку влияли на распространение феодального способа производства, и прямо — поскольку влияли на распределение населения, обитавшего по бассейнам рек). Но роль этих условий была ограниченной. В процессе образования территории того или иного феодального княжества водоразделы не служили препятствием».⁴

¹ Кучкин В. А. Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 226.

² См. наст. изд. С. 26.

³ В очередной раз торговая теория подверглась критике в первой половине 30-х гг., когда началось «развенчание» школы М. Н. Покровского. Сам А. Н. Насонов, зачитывавшийся в детстве «Русской историей» М. Н. Покровского, в своих первых статьях придерживался этой теории, и считал, например, что ростовско-суздальская знать являлась торговой по своему происхождению (Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 11).

⁴ См. наст. изд. С. 196.

«Ведущая причина роста территории лежала в деятельности военной организации феодальной знати, аппарата принуждения, деятельности князей, воевод-тысяцких и т. п. Государственная территория росла путем распространения дани и суда...» — таков главный вывод всей работы А. Н. Насонова. Отнесение той или иной территории к государственной определялось историком данью и судом, а процесс их распространения шел, по его мнению, скачкообразно, захватывая различные районы.¹

По прошествии лет хорошо видна абсолютизация и максимализм этого заключения. Конечно, то, что называется «публичной властью», имело определенное значение в создании государственных территорий. Но это был лишь один из элементов в целом многофакторного процесса формирования древнерусского государства наряду с различными типами колонизации и влиянием географической, природной среды.

Впрочем, как уже говорилось, исследование А. Н. Насонова было встречено неоднозначно и его современниками. В 1953 г. в «Вопросах истории» один из бескомпромисснейших историков-марксистов В. Т. Пашуто выступил с критическим обзором «Русской земли». Если постановка темы не вызывала у автора рецензии возражений, то решение поставленных А. Н. Насоновым задач считалось довольно противоречивым. В ходе разбора ряда положений историка рецензент пришел к выводу, что «общая схема истории государства оказалась неправильной», и выстроена она субъективно, без учета «марксистского историко-ведческого анализа своего основного источника — летописей».² Критик посчитал, что А. Н. Насонов не выполнил свою главную задачу и собрал «не материал о формировании территории государства, а материал об отражении этого процесса в летописании», подпав при этом под «летописные концепции киевских великокняжеских книжников». Неправильный подход к изучению летописного наследия являлся, по мнению В. Т. Пашуто, следствием некритичного использования А. Н. Насоновым концепции А. А. Шахматова. Последние строчки рецензии прозвучали как приговор: «Следует признать, что сектор истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР и редактор В. К. Яцунский оказались недостаточно требовательными, допустив к изданию недоработанную книгу».³

Если бы это рецензия вышла несколькими годами ранее, то взгляды историка могли подвергнуть жесточайшей критике, однако после смерти И. В. Сталина ситуация изменилась, и задачу исследователя видели в том, «чтобы опираясь на положения исторического материализма, творчески применяя их к анализу сложного, подчас весьма отрывочного материала источников, прийти к правильным выводам по ее спорным вопросам. Стремление продиктовать эти выводы в виде какой-то „директивы“, отрезающей пути к дальнейшим поискам и столкновению различных гипотез, способно только затормозить научное исследование».⁴ Возможно, после этого по сути одобрения книги А. Н. Насонова в центральном журнале ЦК КПСС, редакция «Вопросов истории» позволила ему написать опровержение на статью В. Т. Пашуто. Историк отверг все обвинения рецензента, указав, что тот не

¹ Там же. С. 6—7, 217.

² Пашуто В. Т. [Рец. на кн.:] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М., 1951. 259 с. // Вопросы истории. 1953. № 8. С. 167, 168.

³ Там же. С. 168, 169.

⁴ Гефтер М., Покатаев Ю., Шахназаров Г. Критика и библиография в научном журнале (по страницам журналов «Вопросы истории», «Вопросы экономики», «Советское государство и право») // Коммунист. 1954. № 15. С. 113.

только неправильно понял ряд его положений и выводов, но и приписал ему утверждения, противоречащие его научным взглядам. Он еще раз подчеркнул, что его «книга представляет собой специальное, именно историко-географическое исследование, посвященное сравнительно узкому вопросу»,¹ и нельзя от нее требовать ответы на все вопросы по истории древнерусского государства. Редакция журнала также выступила в поддержку историка, не соглашаясь с мнением рецензента, что схема, по которой построена работа, «пересмотрена и отвергнута рядом советских историков».² На этом дискуссия была прекращена.

Признание заслуг А. Н. Насонова перед наукой было отмечено 9 марта 1951 г. избранием его членом Археографического совета Института истории АН СССР, через некоторое время его назначили заместителем председателя совета.³ Как один из крупных специалистов по истории средневековой Руси он был приглашен к участию в написании «Очерков истории СССР» — фундаментального исследования, окончательно закрепившего идеологические постулаты в освещении истории так называемого периода феодализма. Темы глав, написанных А. Н. Насоновым, напрямую пересекались с его исследованиями: «Владими́ро-Суздальское княжество», «Образование феодальных княжеств и республик и судьба Киевской земли», «Новгородская и Псковская феодальная республики в XIV—XV вв.», «Образование территории Русского централизованного государства» и др., всего восемь объемных статей.⁴ В 1955 г. историк вошел и в редакторский состав «Очерков». В следующем году А. Н. Насонова избрали членом образованной при Отделении исторических наук Археографической комиссии.⁵

В начале 50-х гг. ученый по-прежнему активно занимался изучением истории летописания и редакторской работой. Почти за двадцатилетнюю публикаторскую деятельность А. Н. Насонов накопил значительный археографический опыт, который обогащался от издания к изданию, меняя и совершенствуя его издательские приемы.⁶ Историк работал в центральных архивохранилищах и его труд принес значительные научные результаты. Благодаря его «титанической работе» была проведена регистрация и систематизация рукописных сборников, содержащих летописные тексты.⁷ В статье «Летописные памятники хранилищ Москвы и Ленинграда (новые материалы)» историк указывал, что если ранее насчитывалось всего около 200 подобных сборников, то после проведенных им разысканий их количество превысило 1000⁸, что значительно расширило поле деятельности для исследования русского летописания. Крупным научным открытием стало установление А. Н. Насоновым «факта существования большого летописного свода, явившегося общим источником Ермо-

¹ Насонов А. Н. К вопросу об образовании древнерусской государственной территории // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 111, 113.

² От редакции // Вопросы истории. 1954. № 12. С. 114.

³ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 21.

⁴ Список научных трудов А. Н. Насонова // Летописи и хроники. Сб. ст. 1973 г. М., 1974. С. 28—29. Часть статей историк написал еще во второй половине 30-х гг. для проектировавшегося в предвоенные годы пятитомника «История СССР». Однако он не был издан, и подготовленный материал использовался А. Н. Насоновым при написании разделов в «Очерках истории СССР» (Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 16).

⁵ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 21.

⁶ Его же. А. Н. Насонов как археограф. С. 225.

⁷ Его же. Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 226.

⁸ Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы и Ленинграда (новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. IV. С. 243.

линской летописи и Московского свода 1479 г.». Изданная им в 1961 г. статья «Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник» «является классическим трудом по источниковедческому анализу этого уникального и важного во многих отношениях летописного памятника».¹

Во второй половине 50-х и в начале 60-х гг. историк почти ежегодно публиковал статьи по истории летописания, продолжая одновременно курировать подготовку к печати «Полного собрания русских летописей». Часть изданного им материала войдет позднее в его новое исследование по истории летописания.² А. Н. Насонов ввел в сферу научной литературы Прилуцкую летопись (Свод 1497 г.), нашел в ЦГАДА неизвестную писцовую книгу Вотской пятины 1568 г., впервые использовав ее материалы при написании статьи в «Очерки истории СССР»,³ выявил и описал Сказание и повесть о взятии Казани в 1552 г. и мн. др.⁴ Перечисление даже части его археографических находок может занять не одну страницу.

Историк успел почти полностью завершить дело своей жизни, венцом его творческого наследия стала фундаментальная монография «История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования». Во введении к книге ученый остановился на цели своего труда — изучении путей развития русского летописания. Под этим он понимал изучение «происхождения летописных памятников, т. е. таких вопросов, как: где, когда, в какой среде, для чего памятники составлялись, из каких составных частей они складывались». Для ответа на эти вопросы необходимо было изучить и «общие исторические условия общественного развития».⁵ А. Н. Насонов считал, что даже «издание летописей в первую очередь преследует исторические цели, а не изучение истории летописания...».⁶

В своем исследовании А. Н. Насонов остановился на тех вопросах, «о которых в научной литературе существуют противоречивые суждения, или которые мало или совсем не разработаны».⁷ Одной из основных заслуг его исследования можно считать расширение хронологических рамок летописания — ученому удалось продлить историю летописания до 20-х годов XVIII в.⁸

А. Н. Насонов подходил к изучению летописных сводов как к своего рода «средневековым концепциям исторического процесса», что позволило ему «тесно связать раннюю историю летописания с развитием древнерусского государства и древнерусской народности».⁹ В своей книге А. Н. Насонов призывал последующие поколения историков продолжить изучение летописания, т. к. его труд является только одной из страниц в многотомной истории России.

Научное наследие А. Н. Насонова «поражает не большим количеством работ, а другим, более важным — ... добросовестностью, честностью и неприми-

¹ Кучкин В. А. Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 226.

² Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 7.

³ Лурье Я. С. Новые памятники русского летописания конца XV в. (к выходу в свет тт. XXVII и XXVIII ПСРЛ) // История СССР. 1964. № 6. С. 125; Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 21.

⁴ Буганов В. И. Труды А. Н. Насонова о русском летописании // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 238.

⁵ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 7.

⁶ Кучкин В. А. А. Н. Насонов как археограф. С. 226.

⁷ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 10.

⁸ Кучкин В. А. Арсений Николаевич Насонов. Биография и творческий путь. С. 23.

⁹ Там же.

римостью к научным подделкам и поверхностным суждениям».¹ Понимая исследование «как устремление к отысканию научной истины, т. е. познание объективного, реального процесса»², историк на протяжении всей своей научной жизни на основе летописного материала по крупицам воссоздавал картину исторического развития русской земли.

Его жизненный путь оборвался 23 апреля 1965 г., историк умер на «боевом посту» — сверяя машинописный экземпляр своей последней книги с рукописью. В памяти людей, знавших Арсения Николаевича Насонова, он остался человеком «мягким, добрым, сердечным,... всегда старавшимся поделиться с другими своими обширнейшими знаниями и опытом».³

*Ю. В. Кривошеев,
М. В. Мандрик*

¹ Буганов В. И. Новый труд о русских летописях // Новый мир. 1971. № 1. С. 271. [Рец. на кн.:] А. Н. Насонов. История русского летописания. М.: Наука, 1969. 553 стр.

Научное наследие ученого составило 3 монографии, около 40 статей, 15 изданий, где он выступил как редактор, и 2 — как составитель, 2 печатные рецензии (список научных трудов А. Н. Насонова. С. 27—30). Часть его исследований до сих пор не опубликована и хранится в Архиве РАН. Однако почти каждая его работа вводила в научный оборот новые важные материалы, значительно расширяя границы исторического знания.

² Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. С. 7.

³ Кучкин В. А. Памяти Арсения Николаевича Насонова. С. 226.